

УДК 94"04/14"

DOI: 10.25688/2076-9105.2019.36.4.06

А. К. Гладков

Наследие Рима: идея *translatio imperii* в политической теории Марсилия Падуанского

Автор, опираясь на корпус сочинений Марсилия Падуанского, с убедительной полнотой реконструировал представления мыслителя о так называемом переходе империи, т. е. особенностях восприятия идеи римской государственности в средневековой Европе. В статье показано, что концепт *translatio imperii* не был для Марсилия Падуанского отвлеченным инструментом языка. Более того, мыслитель в своих трактатах, и прежде всего в специальном сочинении «*De translatione imperii*», демонстрировал последовательность в отстаивании теории, согласно которой европейская цивилизация унаследовала фундаментальные основы римской, и сильная верховная светская власть — вопреки суждениям церковных писателей — является не искусственным, а, напротив, органичным явлением политической и социальной жизни средневекового Запада.

Ключевые слова: Марсилиус Падуанский; римское наследие; политическая мысль; папство.

Известный средневековый спор сторонников «политического абсолютизма» папской власти (выражение У. Хольтце), обосновывавших притязания церковной *auctoritas* на мирские права и привилегии, и приверженцев власти светской, отстаивавших суверенные полномочия носителей *potestas*, стимулировал появление в конце XIII – первой половине XIV века оригинальных произведений разного масштаба и жанра, в которых представители каждого из лагерей пытались на высоком полемическом уровне подкрепить собственные позиции авторитетом традиции.

Среди тех, кто открыто и непримиримо выступал против посягательств Святого престола на достоинство (*dignitas*) и потестарные функции государей, а также присвоения наследниками апостола Петра полноты власти (*plenitudo potestatis*), особое место принадлежит парижскому интеллектуалу итальянского происхождения Марсилию Падуанскому (1275–1342). Достигнув заметных высот на ниве университетской науки, прославив знатоком права, политической и философской мысли, он не только осудил вмешательство католической церкви в дела государств Европы, но и аргументированно доказал необоснованность любых потуг со стороны римских понтификов присвоить себе часть властных полномочий светских владык.

Марсилий Падуанский, «вольнодумец», «апологет свободомыслия» и «политический ересиарх» (выражения Э. Грено), приобрел широкую известность в европейских интеллектуальных кругах, прежде всего как автор оригинального труда «Защитник мира» («*Defensor pacis*») — своеобразного манифеста государственной власти. Однако из-под его пера вышло несколько небольших по объему, но весьма важных с точки зрения понимания политической доктрины мыслителя произведений: «Малый защитник» («*Defensor minor*»), «Трактат о юрисдикции императора в брачных делах» («*Tractatus de iurisdictione imperatoris in causis matrimonialibus*»), принадлежность которого Падуанцу долгое время ставилось учеными под сомнение, и лапидарное сочинение «О перенесении империи» («*De translatione imperii*»)¹.

Каждый из указанных памятников заслуживает отдельного обстоятельного анализа, особенно в связи с развитием оригинальных концепций, сформулированных Марсилием на страницах монументального «Защитника мира» [1: р. 81–106]. И все же исключительное внимание в рамках данной статьи будет уделено всего одной работе, как кажется, и по сей день остающейся незаслуженно обойденной медиевистами и историками политической мысли: речь идет о трактате «О перенесении империи», который интересен, возможно, не столько своей стилистической яркостью и самобытностью, сколько идейной встроенностью в общую архитектуру политической теории Марсилиа.

Падуанец, и это очевидно всякому, кто хоть раз читал его тексты, остро чувствовал «нерв эпохи», а потому не тратил время на создание далеких от исторической реальности сочинений, оторванных от действительности и злобы дня, а значит, не подставляющих их автора под удар критики. Будучи носителем свободолобивой культуры Парижского университета, по уровню образования и статусу принадлежа к ученой элите, он генерировал идеи, отвечающие политическим запросам общества и понятные современникам. Не мог Марсилий пройти мимо ставшей классической темы, занимавшей на протяжении столетий умы европейских интеллектуалов и касавшейся соотношения государственной и церковной властей. Прежде всего, мыслитель не принял доктрину полноты папской власти, а равно и аргументы ряда теологов и секулярных магистров, пытавшихся с опорой на так называемый Константинов дар (*Constitutum Constantini*), вошедший в «Лжеисидоровы декреталии», развить миф о передаче императором Константином I, прозванным Великим, верховной власти папе Сильвестру, который вместе со своими воспреемниками — римскими понтификами — якобы получил законные суверенные права на Западную Римскую империю. Из этого следовало, что наследники апостола Петра приобретали широчайшие полномочия, политические права и привилегии, лишь малая часть которых уступалась ими по доброй воле во временное

¹ *Marsile de Padoue. De translatione Imperii // Marsile de Padoue. Œuvres mineures / Texte établi, traduit et annoté par C. Jeudy, J. Quillet. Avant-propos de B. Guenée. Paris: Éditions du CNRS, 1979. P. 372–433. Далее в тексте — DTI, с указанием книги и страницы.*

пользование светским правителям, таким образом оказывавшимся в подчиненном, т. е. зависимом от воли предстоятелей Церкви, положении.

Подобная логика представлялась Марсилию Падуанскому глубоко ошибочной: мифу, культивируемому и искусственно подпитываемому сторонниками Константинова дара, автор «Защитника мира» решил противопоставить историческую правду, зафиксированную источниками и свидетельствующую о том, что традиция преемственности власти государей осуществлялась особым путем и принципиально по иной схеме, чем та, которую отстаивают паписты. Более того, власть светских владык никоим образом не зависит от воли римских пап и не может быть — ни при каких условиях — ими отнята.

Чтобы голос автора не только услышали, но и восприняли со всей серьезностью, Марсилиус обратился к исследованию хорошо известного и популярного в Средние века концепта *translatio*, включающего в себя три уровня: *translatio religionis*, *translatio studii*, *translatio imperii*. Падуанец своим трактатом «О перенесении империи» фактически продолжил эллинистически-римскую и средневековую линию этико-политического и исторического теоретизирования, в том числе развитую Отцами Церкви и схоластами, но перевел ее в особую — более секуляризованную — плоскость. В ходе подготовки трактата, который должен был в идейном отношении укрепить позиции Людовика Баварского — покровителя Марсилиуса [4] и жесткого критика Святого престола, — интеллектuala использовал разнообразные источники и не обошел вниманием одноименное компилятивное, включающее выдержки из хроник и иных исторических памятников прошлого [5: s. 24–25] сочинение, увидевшее свет, видимо, в 1324 году и принадлежавшее Ландольфо Колонна (*Landolfo Colonna*) [2]. Прямое упоминание Падуанцем труда этого влиятельного апологета папства, римского сатрапа («...nunc autem in hiis perstringere volumus sermonem *de sedis Imperialis translatione* collectum diligenter ex cronicis et historiis quibusdam per venerabilem Landolphum de Columpna Romanum satrapam...») (DTI. I. P. 374), а также отсылка в последней главе к трактату «Защитник мира» («*Praemissa quidem igitur omnia per Romanos episcopos attemptata, et cum sibi assentientibus consummata, quantum robur habuerint aut habeant in presenti, ex nostro Defensore pacis...*») (DTL. XII. P. 432)) позволяют установить хронологические рамки появления «О перенесении империи»: произведение увидело свет во второй половине 20-х годов XIV века (возможно, Марсилиус работал над «*De translatione imperii*» почти одновременно с «*Defensor pacis*», выпущенным в 1324 году).

Весьма показательно критическое замечание, сделанное Марсилием в первой главе (DTI. I. P. 374) в адрес Ландольфо Колонна; Падуанец не скрывает, что хорошо знаком с трудом своего предшественника, однако он далек от того, чтобы разделить точку зрения достопочтенного (*venerabilem*) оппонента, который к тому же высказывает мнение, не подкрепляя его доказательствами (DTI. I. P. 374). Это пояснение должно, по логике автора «*De translatione imperii*», перевести полемический регистр на иной уровень: вместо голословных

утверждений Ландольфо читатель обнаружит основанные на анализе источников наблюдения Марсилия.

Обращение к далекому прошлому было для Падуанца обязательным, поскольку его цель состояла в историческом опровержении доводов тех, кто передавал в руки римских пап власть не только церковную, но и светскую. В своих теоретических изысканиях автор «*De translatione imperii*» рассмотрел факт возникновения и динамику эволюции *imperium Romanum* (как идеи, так и реального властного института) от древности до того времени, когда, по его мнению, устоялась «всемирная монархия» («...*Imperium Romanum universalem sive generalem totius mundi... monarchiam*» (DTI. I. P. 376)). Идея *imperium Romanum*, со временем, как точно подметил У. Янссен, переросшая в «жизнеспособную и стойкую к историческим изменениям политическую систему», как по эстафете, передавалась греками римлянам, а те, в свою очередь, уступали ее галлам, последние же — германцам («*Dicemus igitur primum de Imperialis Romanae sedis translatione, per quem vel quos et qualiter de facto processerit a Romanis in Graecos, deinde vero a Graecis in Gallicos sive Francos, novissime autem a Francis seu Gallicis in Germanos*» (DTI. I. P. 374)). В своем толковании *imperium Romanum* Марсилий отходит от принятого многими узкого прочтения, сводящегося лишь к утверждению главенства Рима или римской державы (DTI. I. P. 376) на геополитическом пространстве; для Падуанца Римская империя — это, прежде всего, определенная потестарная система со специфическими функциями, механизмами и инструментами осуществления власти, олицетворяющая всемирную монархию (DTI. I. P. 376).

Цепочку передачи *imperium Romanum* от предков к потомкам Падуанец рассматривает с первого исторического звена — греков. Именно Эней, удалившийся из Трои и в своем странствии достигший Италии, оказался тем, благодаря кому на римской земле зародилась монархия. Марсилий описывает знаменательное событие исключительно образно: Эней, полюбив новый край, посадил в нем «зерно» (*semen*), из коего произошло дивное «растение» (*planta*), оплетшее весь мир и в итоге давшее особый «плод» — монархию (DTI. I. P. 376–378). При чтении эпизода возникает в памяти аналогия с известной новозаветной притчей о сеятеле (Матф. 13:1-8, Марк. 4:1-9, Лук. 8:4-8); вполне возможно, что Марсилий подразумевал определенный христианский подтекст повествования о зерне, что «упало на добрую землю и, взойдя, принесло плод сторичный».

Оставленный Энеем дар был с благодарностью воспринят его потомками-римлянами (DTI. I. P. 378); именно они, преуспевая в войнах и постоянно расширяя границы своей державы, за несколько столетий — от Ромула до Цезаря — сумели создать могущественную империю, распространившую собственную власть по всей земле (DTI. I. P. 378). Однако подлинное становление *imperium Romanum* Марсилий связывает с правлением Октавиана Августа, который, в отличие от Юлия Цезаря, никогда не был тираном и узурпатором

власти (DTI. II. P. 378–380). Падуанец, как и многие его предшественники и современники, руководствовался в подобных построениях известными высказываниями Цицерона, составившими (наряду с суждениями Аристотеля) идейное ядро средневекового тираноборческого дискурса.

Власть императора, прежде сосредоточенная в руках божественного Августа (*divus Augustus*), с течением времени перешла к другой харизматичной фигуре — Константину, прозванному Великим. Именно он перенес столицу державы ромеев на Восток, т. е. в Византию, сделав Константинополь вторым Римом и тем самым «пересадив» зерно *imperium Romanum* на новую почву (DTI. II. P. 380). Заслугой императора является не только укрепление государства, его политических институтов и обороноспособности, но и возвышение христианской Церкви, которая при нем упрочила свои позиции, в лице папы Сильвестра получив от василевса дары и привилегии, бывшие, впрочем, лишь малыми подношениями со стороны светской власти (DTI. II. P. 382).

Конечно, Марсилий еще не был готов (или просто не ставил перед собой такой задачи), как это сделает позднее Лоренцо Валла в «Рассуждении о подложности так называемой дарственной грамоты Константина», подвергнуть «*Constitutum Constantini*» уничтожающей лингвистической и исторической критике. Однако Падуанец, как и многие его современники (например, Иоанн Парижский), оперируя данными античных и средневековых источников, обнаруживая очевидные нестыковки, был убежден не только в несостоятельности потестарных притязаний Святого престола, которые якобы находили подтверждение в тексте Константинова дара, но и в нарушении исторической логики в целом. Автор «*De translatione imperii*» выступает в роли исследователя, критически относящегося к событиям и фактам, и создающего достоверную, исторически правдивую картину прошлого.

Задаваясь вопросом о том, что стало причиной раскола некогда единой империи, Марсилий сразу находит ответ: всему виной утрата восточных земель и распространение сект. И если в первом случае Падуанец всю ответственность возлагает на Ираклия I (DTI. III. P. 386), оказавшегося, по сути, тираном, то во втором — на общественные настроения и отсутствие веротерпимости, из-за чего и произошло сближение христиан-несториан и притесняемых мусульман (DTI. III. P. 388).

Противостояние византийских императоров и римских пап, вызванное спором о почитании святых образов, лишь усугубило, по мнению Марсилия, внутренние проблемы Византийской державы и в итоге способствовало тому, что зерно *imperium Romanum* было посеяно на новой, более плодородной — франкской — почве. В лице Пипина Короткого, коронованного Стефаном II, Падуанец видит первого из числа западных правителей, кто воспринял Энеев дар (DTI. V. P. 398). Вслед за Пипином, положившим начало утверждению монархической власти во франкских землях, Марсилий упоминает Карла Великого (DTI. VIII. P. 406), бывшего не только сильным лидером, сплотившим подданных вокруг себя, но и защитником Церкви (*defensor ecclesiae*). Благодаря решительным шагам, направленным на укрепление Франкского государства,

Карл на Рождество 800 года стал первым за многие годы легитимным императором латинской Европы, воспринимавшимся современниками и потомками как продолжатель древних римских традиций (ДТИ. IX. Р. 422) и олицетворением совершенной светской власти — сильной, мудрой и добродетельной.

Однако с течением времени франкская традиция воплощения *imperium Romanum* себя исчерпала: Арнульф Каринтийский, принадлежавший к немецкой ветви каролингской династии, стал, по мысли Марсилия Падунского (ДТИ. X. Р. 422–424), тем правителем, после которого состоялся очередной перенос римской государственной идеи на новую почву. Наследником *imperium Romanum* стал считавший Карла Великого образцом для подражания германский император Оттон I (ДТИ. X. Р. 426), который, когда пришло время, передал эстафету потомкам, среди которых автор «*De translatione imperii*» выделял друга и покровителя — Людовика IV Баварского (1282–1347). Так Марсилиус замкнул круг, соединив прошлое и настоящее, Энея и Людовика IV как носителей одной непрерывно развивавшейся сакральной власти.

В своем небольшом трактате, который по примеру средневековых авторов вполне уместно назвать книжицей (*libellus*), Марсилиус противопоставил покоящимся на мифе Константинова дара мнимым аргументам сторонников «папского абсолютизма» доводы разума и исторической правды. Процесс перенесения империи, описанный им, показан как сложное комплексное явление, не замыкающееся в рамках одной лишь политики. Строго говоря, Падуанец выступил в качестве и историка, и политического теоретика, и полемиста; главная же его цель, заключавшаяся в демонстрации особой генеалогии императорской власти, была в целом реализована. Впрочем, уместно упомянуть и о некоторых натяжках и даже неточностях, легко обнаруживаемых в тексте «*De translatione imperii*»: так, упоминаемое Марсилием словосочетание *regnum Italicum* является для того времени, как справедливо указал Дж. Гарнетт, анахроническим [3: р. 68]. Тем не менее сплав разных традиций — греческой, римской, средневековой, соединение авторских суждений Аристотеля, Цицерона, Августина, Орозия, Евсевия Кесарийского и др. в единое целое — все это послужило усилению центрального тезиса Падуанца.

Парижский интеллектуал еще раз показал полную несостоятельность любых притязаний со стороны Святого престола на достоинство, права и полномочия светских государей, и в первую очередь — Людовика IV Баварского, фактически воспринявшего от древних царей и императоров священное зерно власти.

Литература

1. Canning J. Ideas of power in the late middle ages, 1296–1417. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. 219 p.
2. Colonna L. De translatione Imperii // Goldast M. Monarchia Sancti Romani Imperii. Frankfurt, 1611–1614. Т. II. Р. 88–95.
3. Garnett G. Marsilius of Padua and «the truth of history». Oxford: Oxford University Press, 2006. 221 p.

4. *Godthardt F.* The philosopher as political actor — Marsilius of Padua at the court of Ludwig the Bavarian: the sources revisited // *The world of Marsilius of Padua* / ed. by G. Moreno-Riano. Turnhout, 2006. P. 29–46.

5. *Syros V.* De rezeption der aristotelischen politischen Philosophie dei Marsilius von Padua. Leiden, 2007. 364 s.

Literatura

1. *Canning J.* Ideas of power in the late middle ages, 1296–1417. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. 219 p.

2. *Colonna L.* De translatione Imperii // *Goldast M.* Monarchia Sancti Romani Imperii. Frankfurt, 1611–1614. Т. II. P. 88–95.

3. *Garnett G.* Marsilius of Padua and «the truth of history». Oxford: Oxford University Press, 2006. 221 p.

4. *Godthardt F.* The philosopher as political actor — Marsilius of Padua at the court of Ludwig the Bavarian: the sources revisited // *The world of Marsilius of Padua* / ed. by G. Moreno-Riano. Turnhout, 2006. P. 29–46.

5. *Syros V.* De rezeption der aristotelischen politischen Philosophie dei Marsilius von Padua. Leiden, 2007. 364 s.

A. K. Gladkov

The Heritage of Rome: the Idea of Translatio Imperii in Marsilius of Padua Political Theory

The author based on Marsilius of Padua's works reconstructs the thinker's idea of «the transference of the empire», i. e. the specific of Rome's statehood idea perception in medieval Europe with convincing completeness. The article shows the concept of «translatio imperii» was not an abstract «language instrument» for Marsilius of Padua. In his treatises and at first in his specific work «On the Transference of the Empire» the thinker demonstrated consistency of holding his theory according to which European civilisation inherited the fundamental grounds of Roman one and a strong supreme secular power, in spite of church writers' opinions, is not artificial but organic phenomenon of the political and social life in the medieval West.

Keywords: Marsilius of Padua; Roman heritage; political thought; papacy.